

КАВКАЗЪ.

1853.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годное издавіе съ пересылкою . . . 8 р. 80 м.

Полугодовое 4 . 80 м.

Газета печатается съ платою за каждую букву по 1/4 коп. сер. со всѣхъ объявленій безъ всякаго исключенія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Тифлисѣ: въ Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго и въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. Въ С. Петербургѣ: въ Газетной Экспедиціи С.-Петербург. Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ В. А. и Я. А. Исаковыхъ, г. Крашевникова, и С. П. Лоскутова. Въ Москвѣ: въ Газетн. Экспедиціи Московск. Почтамта. Подписываться также можно и во всѣхъ Губернскихъ Почт. Конторахъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Подписка на газету продолжаетъ приниматься въ мѣстахъ, указанныхъ выше. Газета печатается въ большемъ числѣ экземпляровъ, нежели сколько имѣетъ въ настоящее время подписчиковъ, а потому всѣ подписавшіеся получаютъ первыя № №, вышедшія въ этомъ году.

Его Императорское Величество соизволилъ отдать слѣдующіе приказы:

Въ присутствіи Своемъ въ С.-Петербургѣ.

Января 9-го дня 1853 года. Производится за отличіе въ дѣлахъ противъ Горцевъ. По Пехотѣ: Дагестанскаго Пехотнаго полка: изъ Штабъ-Капитановъ въ Капитаны **БАРАНДУКОВЪ**, со старшинствомъ съ 25-го Іюня 1832 года Изъ Подпоручиковъ въ Поручики **СВИДЕРСКІЙ**. Переводится Самурскаго Пехотнаго полка Штабъ-Капитанъ **ВАТАЦИ**, въ Тифлисскій Егерскій полкъ, Тифлискаго Егерскаго полка Поручикъ **КОБЕНИНЪ**, въ Эриванскій Карabinерный Его Императорскаго Высочества На-

сѣдника Цесаревича полкъ. По Ливійнымъ Баталіонамъ. Грузинскаго Ливійнаго баталіона № 11-го Капитанъ **ПРОЧИЩЕВЪ**, въ Грузинскій Ливійный баталіонъ № 2-го.

Января 10-го дня. Увольняется отъ службы: За болѣзнію. По Иррегулярнымъ Войскамъ. Кавказскаго Ливійнаго Казачьяго Войска, Войсковый Старшина **ЕВГЛЕВСКІЙ**, съ мундиромъ.

Января 11-го дня. Зачисляется. По Ливійнымъ Баталіонамъ. Командиръ Черноморскаго Ливійнаго баталіона № 14-го, Подполковникъ **БИБИГОВЪ** 6-й, по Арміи, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

Производится за отличіе въ дѣлахъ противъ Горцевъ: Со старшинствомъ: По Пехотѣ. Эриванскаго Карabinернаго Его Императорскаго Высочества Насѣдника Цесаревича полка Поручикъ **МЕЗЕНКАМФЪ**, въ Штабъ-Капитаны, съ 18-го Февраля 1832 года. По Ливійнымъ Баталіонамъ. Черноморскихъ Ливійныхъ Баталіонъ № 1-го: Поручикъ **МАЧУГОВСКІЙ**, въ Штабъ-Капитаны, съ 26-го Января 1832 года. Прапорщикъ **ПОГОПОВСКІЙ**, въ Подпоручики, съ 27-го Января 1832 года. № 2-го, Подпоручикъ **ЗАХАРОВЪ** 1-й, въ Поручики, съ 25-го Января 1832 года. № 5-го: Поручикъ **РУСАКОВЪ**, въ Штабъ Капитаны, съ 27-го Января 1832 года. Подпоручикъ **АНДРІЕВИЧЪ**, въ Поручики, съ 25-го Января 1832 года. Прапорщикъ **ФИЛИ-**

ПОВЪ, въ Подпоручики, съ 22-го Января 1832 года. № 4-го, унтеръ-офицеръ **МЕЛЬГОШЪ**, въ Прапорщики, съ 25-го Января 1832 года. № 13-го, Подпоручикъ: **ПУЛИНСКІЙ**, **ПРИМАНЪ** и **БЫСТРИЦКІЙ**, въ Поручики, первый съ 25-го, а второй съ 28-го, Января 1832 года. Переводится. По Пехотѣ. Штабъ-Капитанъ **ЛЕВАНОВЪ**, въ Грузинскій Ливійный баталіонъ № 4-го.

Января 15-го дня. Переводится. Замоспскаго Егерскаго полка Штабъ-Капитанъ **ШАНШЕВЪ**, въ Навагинскій Пехотный полкъ. Увольняется въ отпускъ. По Пехотѣ. Егерскаго Генераль-Адъютанта Князя Воронцова полка Маіору **НОРДШТЕЙНЪ**, для излеченія болѣзни, отъ ранъ происходящей, въ города: Елисаветградъ, Орель, Москву и С. Петербургъ, на десять мѣсяцевъ.

Государь Императоръ объявляетъ Монаршныя благоволенія Дагестанскаго Пехотнаго полка Поручику **СОКОЛОВУ**, за отличіе, оказанное въ дѣлахъ противъ Горцевъ.

Государь Императоръ объявляетъ Монаршныя благоволенія, за отличіе, оказанное въ дѣлахъ противъ Горцевъ: Начальнику 1-го Отдѣленія Черноморской Береговой Линіи, Генераль-Маіору **ДЕБУ**; Полковникамъ: Завѣдывающему Штабомъ Начальника

ФЕЛЬТОНЪ.

Визирь Серабскаго Ханства.

Сочиненіе Фетъ-Али-Ахундова.

(Переводъ съ татарскаго).

(Продолженіе.)

III.

(Сцена происходитъ на берегу моря, въ ханскомъ дворцѣ. На балконѣ, вышнюю въ сѣнѣ отъ земли, ханъ сидитъ на диванѣ; по сторонамъ его стоятъ серабскіе беки, предъ ними Селимъ-бекъ, держитъ въ рукахъ дубину, означающую его должность; подлѣ двери начальникъ фаррашей Самадь-бекъ и нишхидшатъ-баши Азизъ-ага; около него два молодыхъ лакея (нишхидшатъ); вблизи просители ожидаютъ часа пріема; Кадиръ-бекъ ждетъ ханскаго приказанія для представленія ихъ, за дверью сидятъ и лежатъ фарраши ханскіе).

Ханъ. Сегодня славная погода. — послѣ пріема просителей хочу поехать въ лодкѣ по морю: Азизъ-ага! вели, чтобы лодка была готова.

Азизъ. Слушаю.

(Уходитъ).

Ханъ. Селимъ-бекъ! вели представить просителей. Селимъ-бекъ. Кадиръ-бекъ! представлѣй просителей. (Кадиръ-бекъ толкаетъ впередъ двухъ просителей, которые низко кланяются хану.)

Первый изъ нихъ. Ханъ! Башува доинимъ, да буду я твоею жертвою; имѣю просьбу къ твоей особѣ.

Ханъ. Въ чемъ она состоитъ?

Первый проситель. Ханъ, Башува доинимъ! сегодня я водилъ свою лошадь къ рѣчкѣ на водоной; вдругъ она, вырвавшись изъ моихъ рукъ, убѣжала; а этотъ человекъ (указывая на другаго просителя) шелъ на встрѣчу ей; я закричалъ ему: ради Аллаха направь эту лошадь ко мнѣ, — онъ проворно нагнулся, взялъ камень съ земли и бросилъ въ лошадь, камень попалъ въ правый глазъ лошади и повредилъ его; лошадь безъ одного глаза стала негодною; я требую отъ него вознагражденія, но онъ отказывается, и поссорился со мною.

Ханъ (второму просителю). Такъ ли это случилось?

Второй проситель. Да, Башува доинимъ, — дѣйствительно такъ случилось, только я безъ всякаго намѣренія бросилъ камень.

Ханъ. Зачемъ ты вздоръ говоришь, мушккъ; можетъ ли быть, чтобы камень былъ поднятъ и брошенъ безъ намѣренія. Есть ли у тебя лошадь?

Второй проситель. Есть, Башува доинимъ.

Ханъ (первому просителю). Послушай! ты ступай и также испорть одинъ глазъ у ея лошади. Тутъ недоразумѣнія быть не можетъ. Самадь-бекъ! назначь одного изъ фаррашей, чтобы онъ отправился съ ними и наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ рѣшенія.

(Начальникъ фаррашей исполняетъ приказаніе и назначенный фаррашъ отводитъ просителей въ сторону.)

Ханъ. Селимъ-бекъ! вели представить другихъ просителей.

Селимъ-бекъ. Кадиръ-бекъ! подведи другихъ просителей (подводитъ еще двухъ человекъ.).

Ханъ. Охъ, ханство! есть ли на свѣтѣ что либо труднѣе тебя? всякій человекъ долженъ заботиться только о своемъ семействѣ; а я долженъ заботиться о тысячахъ людей; съ самаго вступленія моего въ права ханской власти, ни разу не случилось, чтобы я отгонялъ отъ себя просителей безъ выслушанія ихъ просьбъ и жалобъ!

Селимъ-бекъ. За то общая молитва всего этого народа о тебѣ можетъ быть твоею наградою! весь народъ считается твоимъ семействомъ; цѣлое серабское ханство своимъ благоустройствомъ и благосостояніемъ обязано твоему правосудію и попеченію (Просители кланяются.).

Первый проситель. Ханъ, Башува доинимъ! у меня заболѣлъ верблюдъ; — мнѣ сказали, что этотъ человекъ принадлежитъ къ сословію скотскихъ врачей; я пошелъ къ нему и привелъ его къ своему верблюду, заплативъ ему одинъ туманъ, въ надеждѣ, что онъ вылечитъ верблюда; но онъ тотчасъ, по прихотѣ, пустилъ ему кровь, а какъ только кончилось кровопусканіе, верблюдъ мой испустилъ духъ; теперь говорю этому господину врачу: рабъ Божій! отдай назадъ покравшей мнѣ мой денги; но онъ не только не отдаетъ денегъ, но еще споритъ со мною, упрямя, что безъ кровопусканія сдѣлалось бы гораздо хуже. Окажи мнѣ правосудіе, Башува доинимъ!

Ханъ (второму просителю). Господинъ врачъ! какъ-же сдѣлалось бы еще хуже безъ кровопусканія?

Черноморской Береговой Линии, Генеральнаго Штаба **КАРЛГОФУ**; состоящимъ по Арміи: находящемуся при Начальникъ Черноморской Береговой Линии для инспекціи Черноморскихъ Линійныхъ баталіоновъ **ВУШУ**; Черноморскихъ Линійныхъ баталіоновъ: Командирамъ: № 4-го, **МАРТЫНОВУ** 2-му и № 14-го, Подполковнику **БЕНКОВУ** 6-му; Поручикамъ: № 15-го, **ИЛЬИНСКОМУ**, **САВИЦКОМУ**, № 14-го, **ЗЕЛЕНСКОМУ**, **ЗВЕНИГОРОДСКОМУ** и № 5-го, Подпоручику **ЛУЧИНСКОМУ**.

Высочайшими Именными Указами, данными Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ, Всемилостивѣе пожалованы: Знаками ордена Св. Анны второй степени, Императорскою короною украшеннаго. 1832 года, Ноября въ 1-й день, — по засвидѣтельствуванію начальства отлична усердной службѣ, Оберъ-Священникъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса Протоіерей **Лаврентій МИХАЙЛОВСКІЙ**. Ноября въ 1-й день, — въ награду отличной храбрости и мужества, оказанныхъ въ настоящемъ году въ дѣлахъ противъ Горцевъ, происходившихъ разновременно на Лезгинской Кордонной Линіи, прикомандированный къ Нухинской миліціи, уволенный отъ службы изъ Закавказскаго Конно-Мусульманскаго полка Майоръ **ГЕЙРАНЕТЪ-ГЮЛЬБАСАРОВЪ**. Орденомъ Св. Анны третьей степени, съ бантомъ. 1832 года Ноября въ 1-й день, — въ награду отличной храбрости и мужества, оказанныхъ въ настоящемъ году въ дѣлахъ противъ Горцевъ, происходившихъ разновременно на Лезгинской Кордонной Линіи, Начальникъ Джарской Конной миліціи, состоящій по Кавалеріи Корнетъ **ГАДЖИ ЭЛИЧИ-ОГЛЫ** и исправляющій долж-

ность Бьлоканскаго Участковаго Засѣдателя, Поручикъ **РОМАЗАНЪ АГА-АЛИ-АГА-ОГЛЫ**.

Государь Императоръ, по ходатайству Г. Намѣстника Кавказскаго, въ 8-й день Января Всемилостивѣе соизволилъ пожаловать: Телавскому уздному начальнику, коллежскому ассесору князю **АНДРОНИКОВУ**, помощнику его титулярному советнику князю **АЖОРДЖАДЗЕ** и засѣдателю Кварельскаго участка коллежскому секретарю князю **АЛЕКСАНДЕРОВУ** ордена Св. Анны: первому 2-й степени съ Императорскою короною, а послѣднимъ двумя 5-й степени, въ награду за отличную распорядительность, оказанную въ 1831 г., во время движенія горцевъ въ значительныхъ силахъ на лѣвый флангъ Лезгинской кордонной линіи.

— Въ слѣдствіе ходатайства Господина Намѣстника Кавказскаго, о распространеніи на классныхъ чиновниковъ горнаго вѣдомства, служащихъ на Кавказѣ и Закавказьѣ, формы Закавказскаго обмундированія, Его Величеству, Государю Императору, во 2-й день Января, благоудно было изъять на сіе Высочайшее соизволеніе и утвердить нижеслѣдующее описаніе предположенной Княземъ Намѣстникомъ формы обмундированія:

Шапка, по образцу Кавказскихъ войскъ, съ верхомъ изъ синяго сукна и золотымъ галуномъ безъ прощета.

Полукафтанъ синяго сукна съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ и обшлагами.

Выпушка по воротнику, обшлагамъ, борту и полу краснаго сукна.

Врачъ. Ханъ, Башува донимъ! верблюду его страдалъ неизлечимою болѣзнію, безъ кровопусканія онъ непременно долженъ былъ умереть чрезъ шесть дней, а я кровопусканіемъ ускоривъ его смерть, избавилъ этого человѣка отъ напрасныхъ расходовъ и скучнаго труда возиться съ больнымъ животнымъ, не предвѣщаящимъ никакой надежды къ выздоровленію.

Ханъ. Такъ по твоему расчету этотъ человѣкъ еще что нибудь долженъ подарить тебѣ?

Врачъ. Да, Башува донимъ! такъ слѣдуетъ, если онъ внесетъ голосу справедливости.

Ханъ (обращаясь къ бекамъ). Ей-Богу, не знаю, какъ рѣшить ихъ дѣло. Мнѣ отъ роду не случалось выслушать такой занузданный споръ.

Одинъ изъ бековъ. Башува донимъ! сословіе врачей заслуживаетъ уваженіе, они всегда приносятъ пользу народу; прикажи этому человѣку подарить г. врачу еще какой-нибудь халатъ, тѣмъ болѣе, что онъ мнѣ извѣстенъ какъ искусный коноваль.

Ханъ. Если ты его знаешь, то пусть будетъ по твоему. Послушай! (просителю) ступай и подари г. коновалу еще чуху, чтобы онъ остался довольнымъ тобою. Самадь-бекъ, назначь одного изъ фаррашей для полученія чухи отъ этого человѣка въ пользу врача. (Самадь бекъ выходитъ для исполненія приказаній; въ это время входитъ поблѣднѣвшій визирь, который, подойдя къ хану, ставитъ предъ нимъ на землю чернилицу)

Визирь. Да буду я твоею жертвою! теперь пора мнѣ въ отставку отъ визирства; я уже достаточно награжденъ за мои заслуги; отдай визирство тому, кого найдешь достойнымъ; я долженъ покинуть этотъ край и скитаться по міру!

Ханъ (въ изумленіи). Господинъ визирь! что съ тобою случилось, въ какомъ положеніи ты находишься?

Визирь. Башува донимъ! во всѣхъ странахъ о твоемъ правосудіи разсказывается въ народѣ; изъ опасенія твоего гнѣва, ни кто не смѣетъ протянуть руку къ собственности какого-нибудь послѣдняго раба твоего и касаться семейной его чести; но твой племянникъ Теймуръ ага до того презираетъ твой гнѣвъ, что среди бѣлаго дня, дерзаетъ входить въ мой гаремъ съ преступною цѣлю; имѣть свиданіе съ моею женою.

Ханъ (въ ужасномъ гнѣвѣ). Что ты говоришь, визирь? Теймуръ не могъ сдѣлать такую дерзость!

Визирь. Пусть твой хлѣбъ накажетъ меня, если я говорю не правду. Собственными глазами я видѣлъ Теймура въ своемъ гаремѣ и, поймавъ его, хотѣлъ представить къ тебѣ; но онъ силою вырвался изъ моихъ рукъ и ушелъ.

Ханъ. Самадь-бекъ! сейчасъ иди и позови ко мнѣ Теймура, не говоря ему ни слова о причинѣ! (тотъ, поклонившись, уходитъ.) Визирь! успокойся, ты увидишь какому наказанію я подвергну его, дабы это послужило примѣромъ для всѣхъ жителей всего свѣта.

Визирь. Башува донимъ! умершіе владыки земные, въ поддержаніе правосудія, жертвовали своими дѣтьми и родными, Великіе ханы подвергали своихъ сыновей жестокимъ наказаніямъ за оскорбленіе супружеской чести своихъ подданныхъ; за таковой поступокъ султанъ Махмудъ-Газневи собственноручно отрубилъ голову одному изъ своихъ ближнихъ; оттого во вѣки вѣковъ ихъ правосудіе прославляется цѣлымъ міромъ!

Ханъ. Визирь! ты сейчасъ увидишь, что въ этомъ отношеніи твой ханъ не уступитъ ни великимъ ханамъ, ни султану Махмуду-Газневи. (Въ это время начальникъ фаррашей входитъ вмѣстѣ съ Теймуръ-агаю, первый низко, а послѣдній немного кланяется.)

Ханъ. Сколько разъ я приказывалъ тебѣ не являться въ мое присутствіе съ княжаломъ на бедрѣ?

Теймуръ-Ага. Я не съ княжаломъ.

Ханъ. Мнѣ такъ показалось; но за какимъ дѣломъ ты былъ въ гаремѣ визиря? (Теймуръ-Ага повисивъ голову не отвѣчаетъ). Ты хочешь, чтобы за такого бездѣльника, какъ ты, — я посрамилъ во всѣхъ странахъ; я не желаю имѣть такого племянника какъ ты. Танабъ! веревку!

(Визирь показываетъ нѣсколько фаррашей съ кашемировою шалью въ рукахъ).

Ханъ. Набросьте шаль ему на шею, повалите и давите!

(Фарраши приходятъ въ нѣкоторое движеніе, глаза всѣхъ бековъ наполняются слезами отъ чувства состраданія).

Селимъ-Бекъ (и прочіе беки громко, въ одинъ голосъ). Да будемъ мы твоими жертвами, — прости

Шитье на воротникъ и обшлагахъ золотое по классамъ должностей.

Пуговицы вызолочены безъ всякаго изображенія. Подбой черный стамедный.

Шаравары синяго сукна безъ выпушки.

Вместо сюртука, полукафтанъ того же образца, но безъ шитья.

Пыхотная полусаблия на португезъ черезъ плечо, обложенная золотымъ галуномъ.

ТИФЛИСЪ.

— Государь Императоръ, согласно положенію Кавказскаго Комитета, Высочайше повелѣть соизволилъ.

1-е. Для изытія изъ обращенія истертой и проколотой серебряной монеты, чеканенной при Грузинскихъ царяхъ, объявить, что подобная монета будетъ принимаема по нарицательной ея цѣнѣ и вымѣниваема на Русскую монету во всѣхъ узднскихъ Казначействахъ Закавказскаго края, въ теченіи шести мѣсяцевъ, со дня объявленія о семъ на мѣстѣ.

2-е. Годную къ хоженію серебряную монету, чеканенную при Грузинскихъ Царяхъ, продолжать принимать, по нарицательной ея цѣнѣ, въ подати и при всѣхъ другихъ въ казну платежахъ, но поступившую въ уздныя Казначейства Закавказскаго края подобную монету не выпускать болѣе на расходы.

3-е. Предоставить Г. Намѣстнику Кавказскому сообразить и представить особо въ теченіи какого именно срока, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ края, эта послѣдняя мѣра

его на этотъ разъ: онъ еще молодъ.

Ханъ. Клинузь прахомъ моего дѣда ни за что прощу; (обращаясь къ фаррашамъ) повалите! (Фарраши принимаются за дѣло).

Всѣ Беки (поворачиваясь въ землю съ невольными рыданіемъ). Умоляемъ тебя, ханъ! пощади его, онъ у матери своей одинъ!

Ханъ. Нельзя, нельзя, нельзя! (Обращаясь къ фаррашамъ). Не вая ли собачьи дѣти приказываю я повалить и давить его!

(Фарраши съ шалью приближаются къ Теймуръ-Ага; вдругъ онъ достаетъ пистолетъ, закрытый верхней одеждою подъ попомъ на спинѣ и обращаетъ дуло его къ фаррашамъ; они разсѣиваются въ разные стороны; онъ пре спокойно уходитъ).

Ханъ (въ слѣдъ за нимъ). Держите! ловите! не пускайте!!!

(Всѣ суетятся, но въ погоню ни кто не пускается).

Ханъ (инвно обращаясь къ бекамъ). Никто изъ васъ не достоинъ моихъ милостей! Зачемъ пустили этого негодяя? (всѣ молчатъ) Самадь-Бекъ! (тотъ приближается). Возьми сейчасъ 30 человѣкъ чекаричи (*), ступай отыщи и схвати Теймура, гдѣ бы онъ ни былъ и представь во двѣрць.

Самадь-Бекъ. Слушаю (уходитъ).

Ханъ. Пока я не убью его, въ край не будетъ покоя! (Обращаясь къ бекамъ). Оставьте меня. (Беки удаляются).

Ханъ. Азизъ-Ага! (онъ приближается). Готова ли лодка?

Азизъ-Ага. Готова, мой повелитель.

Ханъ (встаетъ и обращается къ визирю). Ты ступай и успокойся: я непременно оглощу за тебя; возьми этотъ перстенъ и отдай его Нисъ-Ханумъ; я сегодня нарочно его достала для нея у ювелира, тебѣ ужъ пора позаботиться о свадебныхъ приготовленияхъ. Чрезъ недѣлю она должна быть начата.

Визирь. Да, я готовъ исполнить ваше повелѣніе. (Отъивившись низко поклонъ и удалится; за тѣмъ выходитъ и ханъ, садится въ лодку съ Азизъ-Агаю и отправляется на прогулку по морю).

(Оконч. въ слѣд. №.)

(* Такъ называлось у хановъ пыхотисе войско.

можетъ тамъ дѣйствовать и по истеченіи какого именно времени можно будетъ сдѣлать распоряженіе къ обмѣну на Русскую монету оставшейся за тѣмъ годной къ хожденію серебряной монеты, чеканенной при Грузинскихъ царяхъ.

4-е. Поступившую и поступающую впредь въ уздныя Казначейства Закавказскаго края серебряную монету, чеканенную при Грузинскихъ царяхъ, какъ годную, такъ и негодную къ употребленію, не выпуская въ обращеніе, отправлять всю безъ изыятія на С. Петербургскій монетный дворъ, для перелѣта.

(З. В.)

Изъ Астрахани сообщаютъ следующее о раннихъ морозахъ на Каспійскомъ морѣ. Въ исходѣ октября мѣсяца въ северной части этого моря рыбопромышленники по обыкновенію ловили рыбу, морскія суда готовились принять на вѣтеръ грузы съ догруженныхъ судовъ, и вдругъ явился морозъ до 10° по Реомюру, разстроивъ все расчеты на удачу лова, такъ что многіе теряютъ послѣдній капиталъ.

Октября 26-го, желѣзная баржа № 7, стояла на якорѣ, на глубинѣ 5½ сажень, отъ чистаго банка на зюйдъ въ 25 итал. миляхъ; волненіемъ подавало чрезъ бакъ на палубу, и футы на десять къ верху отъ нее обладало мачты брызгами валовъ, верхушки коньхъ срывало вѣтромъ; послѣ полночи вѣтръ сдѣлался нѣсколько тише.

Съ разсвѣтомъ 27 числа увидѣли свои паруса, часть мачты и такелажа покрытыми льдомъ толщиной въ полъ фута; въ полдень вѣтръ былъ NNW средней, небо было покрыто быстро несущимися по вѣтру кучевыми облаками; термометръ показывалъ—6° и надалѣ снѣгъ; 26-го числа птицы летѣли на SW и покрывали все пространство горизонта, а въ полдень 27-го, стада птицъ направили полѣтъ свой къ северу; въ этотъ день пронесло мимо баржи, динче небольшой разрывы. 28-го при NNW вѣтръ было 6° мороза. 29-го въ 9 часовъ вечера подоидя къ четырехъ-бугорному пеленговому знаку на 7 миль, баржа встрѣтила льды, пробиралась сквозь нихъ, и пришла 2-го ноября на Имный рейдъ.

Послѣ этого числа погода стала теплѣе и навигація возобновилась, но многія купеческія суда прорѣзаны льдомъ и затонули или повреждены; рыбопромышленники лишились своихъ снастей и сътокъ, которые унесло льдомъ.

Баржа отставалась во льдахъ на двухъ якоряхъ и только сломался штокъ одного изъ нихъ; а корпусъ баржи не потерпѣлъ отъ напоровъ льда, при трехъ узлахъ теченія, потому что командиръ баржи (Г. Поручикъ Комаровъ, который сообщаетъ это извѣстіе) распорядился оградить корпусъ ея снаружи около ватерлиній, трехъ дюймовыми досками, которые прорѣзывало льдомъ какъ пилюю, тогда ихъ поворачивали другими концами.

Народныя пѣсни Арменіи.

(Статья Эд. Дюлорье.)

II.

(Окончаніе.)

Въ легендѣ о Семирамидѣ, рассказъ о завоеваніи ею Арменіи, кажется, приспособленъ былъ поэтами ко вкусу черни. Эта царница, влюбившись въ Арая, 8-го потомка Гайка, похвалы красоте котораго дошли до нея, послала богатые подарки и настойчиво приглашала его прибыть къ ней въ Нишвино, предлагая ему руку и корону Ассирійскую, или же любовь и ласки безъ брака. Арай, върнувшись своей возлюбленной супругѣ Нуардъ (Новардъ), отвергаетъ ея предложенія. Оскорбленная пренебреженіемъ, Семирамида падаетъ съ многочисленными силами, напад-

дасть на Арменію,—но, въ минуту битвы, требуетъ, чтобы полководцы ея пощадил, если возможно, жизнь предмета ея страсти. Между тѣмъ войска ассирійскія одерживаютъ побѣду; Арай, въ жаркомъ бою, падаетъ. Тогда она отдаетъ приказъ отыскать между навшими трупъ его и перенести его на террасу ея дворца. Когда же Армяне, желая отмстить за смерть своего царя, стали готовиться къ новой битвѣ, она обратилась къ нимъ съ слѣдующими словами: «Я повелѣла богамъ моимъ вылизать раны Арая и возвратитъ его къ жизни». Она надѣялась, въ тоже время, силою волшебныхъ чаръ, воскресить его; но гнѣвнѣе распространилось по его трупу,—и она велѣла бросить его въ глубокой ровъ, вдали отъ взоровъ всѣхъ. За тѣмъ, призвавъ къ себѣ одного изъ своихъ любовниковъ, тайно переодѣла его и распространила такой слухъ: «Богъ, вылизавъ раны Арая, возвратилъ ему жизнь.» — Эти слухи, распространенные въ Арменіи, успокаиваютъ умы и полагаютъ конецъ войнѣ.

Это мѣсто особенно драгоцѣнно по свидѣтельству, которое оно содержитъ и на которое и уже намекнулъ, а именно по свидѣтельству о связи, существовавшей между системою религиозною Арменіи и таковою Ассиріи. Армянскіе писатели рассказываютъ намъ о классѣ существъ сверхъестественныхъ или божественныхъ, рожденныхъ отъ собаки (8) и имевшихъ Арлэзъ, услуги коньхъ состояли, какъ указываетъ на то самое значеніе ихъ имени (9), въ вылизываніи ранъ воиновъ, навшихъ на полѣ битвы, и въ возвращеніи ихъ къ жизни; а мѣсто, которое мы находимъ въ историкѣ V вѣка Фаветъ Византійскомъ, проливаетъ первый свѣтъ на этотъ мѣлъ, и, что весьма замѣчательно, указываетъ намъ на него, какъ на мѣлъ существовавшей еще въ Арменіи въ концѣ IV столѣтія, не смотря на то, что христіанская религія сдѣлалась въ ней господствующею. Фаветъ рассказываетъ о главнокомандующемъ Армянъ, Мухехъ, изъ сатрапской фамиліи Мамиконіановъ, который былъ оклеветанъ передъ царемъ Арсакидомъ Варздатомъ, сыномъ Папа (384—386 по Р. X.), наставникомъ его Бата Сааруни, который хотѣлъ лишить Мухехъ начальства надъ войсками и который, въ заговорѣ съ царемъ, убилъ его на пиру, даннымъ сямъ послѣднимъ дворнягству. «Когда принесли, повѣствуетъ историкъ, тѣло полководца Мухехъ въ домъ его, къ его роднымъ, сіи послѣдніе не вѣрили его смерти, хотя и видѣли, что голова его была отдѣлена отъ туловища; они говорили: «Мухехъ не разъ подвергался случайнымъ войнамъ, и никогда не былъ даже раненъ; никогда стрѣла не достигала его, ни когда мечъ вражій не пронзалъ его.» Нѣкоторые изъ нихъ надѣялись, что онъ оживетъ; они соединили голову съ туловищемъ и отнесли на платформу башни. Они говорили: «Это былъ храбрый воинъ, и Арлэзъ (10) низойдутъ «и возвратятъ ему жизнь;» берегли его тѣло до тѣхъ поръ, пока оно не передало гнѣнію. Тогда, проливая слезы, они погребли его, согласно существующимъ обрядамъ.

Смерть Семирамиды была также одною изъ любимыхъ темъ армянскихъ бардовъ. Эта царница имѣла обыкновеніе удаляться, въ лѣтній жары, на сѣверъ, жить въ своемъ городѣ Шамирамакертъ, на восточномъ берегу озера Вана, и оставлять мага Зороасгра (Зерадагита),

(8) *Езникъ*, армянскій писатель V-го вѣка, въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ: *Опроверженіе севтъ*. Венеція, 1856 г. стр. 98 и 100.

(9) *Арлэзъ*, по армянски значитъ—лижущій постоянно и совершенно. Академическій армянскій словарь, Венеція, 1856—1857, томъ II, стр. 541. (на арм. языкѣ).

(10) Фаветъ Византійскій, армянскій писатель V-го вѣка, Венеція, 1852. Книг. V. глава XIV и XV., стр. 255—257 (на арм. яз.)

который былъ въ Нишвино *Мидий*, правителемъ Ассиріи. Онъ возмущался противъ нея, побдиль и заставилъ скрыться въ Арменію. «Легенды нашей страны, писалъ Сааку Багратиду Моисей Хоренскій, подтверждаютъ сказаніе ученаго Сирійца Мар-Иба-Катини. «Онъ повѣствуютъ, что за печальнымъ концемъ этой войны, послѣдовала смерть Семирамиды; изобразаютъ бѣгство ея пѣшкомъ и сильную томившую ее жажду, и нетерпѣніе, съ которымъ она искала воды, чтобы утолить ее, и поспѣшность, съ которою бросила она въ море (Ванъ) талисманъ, когда войны съ оружіемъ въ рукахъ настигали ее. Отсюда-то произошла поговорка: жемчугъ Семирамиды въ морѣ. Если же ты любишь древнія сказанія; то знай, что Семирамида первѣе Ниобеи превращена въ камень.»

Портретъ, очевидно срисованный съ натуры, оставленный намъ этой древней армянской поэзіей, есть портретъ девятаго изъ царей, потомковъ Гайка, Тиграна I, одного изъ славнѣйшихъ царей этой династіи. «Герой съ русыми «и у концовъ серебряными волосами, краснощекий, съ медовымъ взглядомъ; члены его были крѣпки, плечи широки, ноги хорошо устроены «и быстры; всегда умѣренный въ пищу, воздержный въ удовольствіяхъ. Наши предки, срисовываютъ Моисей, славили подъ звуки *бамбирна* (11) его умѣренность въ чувственныхъ удовольствіяхъ, его великолудіе, его краснорѣчіе, его прекрасныя свойства. Всегда «справедливый въ сужденіяхъ и другъ правды, онъ держалъ въ рукѣ весы и извѣстивалъ со вниманіемъ дѣйствія каждаго. Онъ «не завидовалъ вовсе тѣмъ, которые были выше его, не презиралъ низшихъ, и единственнѣйшимъ чистолюбіемъ его было заботиться о благополучіи всѣхъ». Эпитеты *серебрусыи*, *краснощекій*, которыми поэтъ, вѣроятно современникъ, рисуетъ Тиграна, несомненно напоминаютъ *бистропотога Ахиллеса*, *быкоглазую Юнону* и др. ивца Иліады. Умѣренный стиль и нравственная цель этого отрывка заставляютъ предполагать, что онъ принадлежитъ къ роду народныхъ пѣсеней, которыя Моисей Хоренскій называетъ *Іергъ Башуцъ*, или пѣснями разума, и которыя отрицаютъ всякую аллегорію.

Пророческое сновидѣніе, въ которомъ царь Мидійскій Астіагъ прозрѣлъ пораженіе свое Тиграномъ и смерть отъ руки этого царя, имѣетъ, напротивъ, нѣчто эпическое. Таинственный свѣтъ, которымъ онъ пропитанъ, драматическая манера, съ которою рассказанъ, заставляютъ насъ отнести его къ пѣснямъ, именуемымъ *Іергъ Виласанацъ* или историческимъ. На сколько сновидѣніе Іакова, въ книгѣ Бытія, прекрасно своею простотою, свойственною патриархальному духу, на столько роскошь и величіе восточнаго гени блещутъ въ сновидѣніи Астіага: какъ будто отблескъ того мрачнаго отбыва, который лежитъ на апокалипсическихъ видѣніяхъ Езекиля и Св. Іоанна,—проявленіе того же цикла идей, который породилъ памятники Ассирійской цивилизаціи, какими они, вырытые изъ земли, столько вѣковъ ихъ скрывавшей, предстали въ последнее время нашимъ взорамъ.

«Великая опасность угрожала мидянину Астіагу, въслѣдствіе союза Кира съ Тиграномъ. Страшная тревога осаждающихъ его мыслей рождаетъ, во время сна ночью, сновидѣніе, въ которомъ видитъ онъ то, что, въ состояніи бодрствованія, никогда не поражаемо его взоромъ «и чего никогда не слышали его уши. Внезапно пробужденный, не до видя покамѣть «станетъ назначенный этикетомъ чашъ совѣта, — «ибо еще оставалось до этого протечь многимъ часамъ ночи, — онъ созываетъ придворныхъ

(11) *Бамбирна* былъ музыкальный инструментъ, имѣлъ намъ неизвѣстный, въ родѣ лютий, съ металлическими или кипечными струнами, въ которой ударили щепочкой или смычкомъ.

«вельможъ и, поникнувъ печально головою, пещускаетъ изъ глубины груди своей глухія «стоны. Советники его спрашиваютъ о причинѣ «вздоховъ, но онъ долго оставался безответнымъ. «Наконецъ, вздыхая, рѣшается открыть имъ «все—мысли и сомнѣнія, родившіяся въ тай- «шникъ его сердца, и подробности страшнаго «явившагося ему видѣнія. Мнѣ представилось, «говорить онъ, о друзья мои! что я былъ сего- «дня въ странѣ невѣдомой, у горы высокой, «вершина которой казалась покрытою страш- «ными льдами. Гора эта, какъ-будто, находилась «въ землѣ потомковъ Гайка. Долго я разматри- «валъ эту гору;— вдругъ представилась мнѣ «сидящую на вершинѣ женщина, одѣтая въ «пурпуръ и покрытая лазоревымъ покрываломъ. «Глаза ея были прекрасны, станъ высокой, ла- «ниты розовыя. Она была въ мукахъ дѣторож- «денія. Взоръ мой былъ внимательно устремленъ «на это погрузившее меня въ удивленіе зрѣ- «лище, когда женщина эта родила вдругъ трехъ «рослыхъ, сильныхъ героевъ. Первый, на львъ, «полетѣлъ на западъ; второй, на леопардъ, «устремился на сѣверъ; третій, на драконъ, «рынулся на нашу имперію. Среди этихъ не- «понятныхъ видѣній, мнѣ казалось, что, стоя «на террасѣ моего дворца, я видѣлъ платформу «его, устланную превосходными узорчатыми «коврами, и что боги наши, которымъ я обя- «занъ короной, стояли тамъ во всемъ блескѣ «своего величія, а я и въ привосиди имъ жер- «твы и курили еимъямъ. Вдругъ, подымая глаза, «я увидѣлъ героя, верхова на драконѣ, летя- «щаго съ быстротою орла. Нанавъ на насъ, «онъ началъ истреблять вѣншихъ боговъ; но я, «Астиагъ, ринулся ему на встрѣчу, выдержалъ «его натискъ и вступилъ съ нимъ въ бой. Мы «дрались сначала на коняхъ; кровь лилась «рыкою, и платформа дворца, сіявшая лучами «блестящаго солнца, превратилась въ широкое «море крови. Затѣмъ, прибывнувъ къ другому «оружию, мы продолжали борьбу еще много «часовъ.— Но къ чему продолжать этотъ раз- «сказъ? Облитый потомъ отъ впечатлѣній опас- «ности, которой подвергался, я почувствовалъ, «что сонъ бѣжалъ вѣждъ моихъ, и съ этой «минуты не знаю, существую ли я.»

Эти роковыя предсказанія сбылись, и виною тому былъ самъ Астиагъ, а подготовила ихъ измѣна его Тиграну. Известно, какъ возгорѣ- лась между ними война, какъ мидійскій царь былъ побѣжденъ цѣремъ армянскимъ и погнѣтъ отъ удара копьемъ, нанесеннаго ему симъ послѣднимъ и пронзившаго его насквозь. Тогда-то 10 т. плынныхъ Мидянъ поселилось, по повелѣнію Тиграна, у подошвы Масиса или Арарата, съ восточной стороны, гдѣ продолжало пребы- вать и ихъ потомство. Пѣсни старинныя, на свидѣтельство которыхъ ссылается Моисей, увѣковѣчили память объ этомъ первомъ пере- селеніи Мидянъ Астиаговыхъ, обозначивъ ихъ подъ именемъ *потомковъ драконовыхъ* (12). Это аллегорическое прозваніе напоминаетъ знаменитый персидскій мифъ, который есть одинъ изъ главныхъ данныхъ *Шахъ-Намэ* или *книги царей*, и который изображаетъ начъ соперничество Персовъ съ народами арабскаго имени. У Фирдуси мы читаемъ, что, во време- на царя Джемшида, былъ нѣкій мужъ, жив- шій въ пустыняхъ, населенныхъ воинами, воору- женными копиями. Это былъ богатый, могу- щественный и, въ тоже время, справедливый и великодушный царь. Онъ имѣлъ сына возлюб- леннаго, который назывался Зоакъ или, на пель- гевійскомъ нарѣчій,—одномъ ихъ двухъ нарѣ- чій древней Персіи,—Бюраспъ, т. е. мужъ о 10 т. коней, ибо онъ имѣлъ 10 т. арабскихъ скакуновъ, съ золотыми уздечками, слава ко- торыхъ была велика. Иблисъ, иначе Ариманъ, явился ему въ образѣ праведнаго и, кознями

своими, подвигъ его на смерть своего отца. Злобный духъ вырылъ подъ ногами старца ровъ, въ который онъ упалъ и расшибся. Въ другой разъ явился онъ преступному сыну въ образѣ повара. Усмысливъ похлестить его чувственности новыми, вкусными яствами и овладѣть его благосклонностію, онъ испросилъ, въ видѣ вели- чайшей награды, позволить похлестывать себя въ плечи. Отъ прикосновенія устъ Аримана выш- ли изъ нихъ двѣ змѣи или два черныхъ драко- на. Зоакъ, въ испугъ и мучимый страшными страданіями, велѣлъ рубить ихъ; но они, по- добно вѣтвямъ древеснымъ, снова выростали. Ариманъ снова явился, и на этотъ разъ въ об- разѣ врача, и объявилъ Зоаку, что ничто не поможетъ бѣдѣ, пока оба пресмыкающіеся со- хранить въ себѣ хоть искру жизни; но что мож- но облегчить боль, питая ихъ мозгами чело- вѣческими. Между тѣмъ Джемшидъ, потерявъ расположеніе вельможъ, лишился короны; по- сюду вознвали раздоры и битвы. Желая по- ложить конецъ всему этому, воины Персіи уда- лились въ страну Арабовъ,—они прослышали, что тамъ живетъ ч. ловекъ, наводившій страхъ, съ змѣинымъ лицомъ. Они поклонились ему, какъ своему властелину, и облекли его въ титло царя Ирана. Зоакъ, восшедъ на престолъ, занималъ его въ теченіе тысячи лѣтъ. Каждую ночь, два юноши, иногда изъ низшаго сословія, иногда изъ благороднаго класса, приводимы были во дворецъ и умерщвляемы; мозгъ ихъ, пригото- вленный царскимъ поваромъ, утолялъ голодъ, съ каждымъ днемъ возрастающій, двухъ чудовищъ. Между тѣмъ какъ сѣверный Зоакъ предавался неистовствамъ самой отвратительной тираніи,— укрѣпъ свѣтъ младенецъ, имѣвшій предками своими властителей Персіи, Феридуна. Кор- милицею его была корова Шурмае (красавица), изъ всѣхъ коровъ замѣчательнѣйшая. Напрас- но Зоакъ, которому мобель (*) Зирекъ пред- рекъ, что ея падеть подъ ударомъ желѣзной булавы съ бычачьею головою Феридуна,—ис- казалъ его повсюду съ цѣлю умертвить. Мать ребенка, мудрая Фиранекъ, успѣла скрыть его въ безопасномъ мѣстѣ, отнеси его въ Инду- станъ на гору Элборзъ. Когда два осьми-лѣтія прошли надъ нимъ, и онъ сдѣлался высокъ, какъ кипарисъ, онъ вышелъ изъ своего убожища и сошелъ на равнину, чтобы низвергнуть тира- на. Неожиданную помощь встрѣтилъ онъ въ простолуднѣ, Испананкомъ кузнецъ, по имене Кавэ. Этотъ простолуднѣ имѣлъ когда-то семнадцать сыновей; шестнадцать отъ него были отняты и, какъ многіе другіе, были при- несены въ жертву отвратительному леченію, посовѣтованному Зоаку Ариманомъ. Настала очередь и послѣдняго. Кавэ пошелъ требовать его возвращенія, и царь,—подъ вліяніемъ сверх- естественной силы, которая была ничѣмъ инымъ, какъ чувствомъ всеобщаго негодованія, взрыва котораго онъ уже начиналъ опасаться, не пос- мѣлъ отказать ему. Изъ дворца, Кавэ побѣжалъ на базаръ въ часъ торга и сталъ изъ всѣхъ силъ кричать и умолять о правосудіи и помощи. Водрузивъ на оконечности копыа кожаный фар- тукъ, которымъ онъ покрывалъ ноги, когда ко- валь молотомъ желѣзо, онъ взбунтовалъ народъ и собралъ его вокругъ себя. Всѣ они присо- единились къ Феридуну (13). Зоакъ былъ по- бѣжденъ и палъ, какъ предсказалъ ему мобель, подъ ударомъ булавы съ бычачьею головою,— которая раздробила ему шлемъ. Феридуна, свя- завъ ему руки и скрутивъ его веревкою изъ львиной кожи, столь крѣпкою, что даже бѣше-

(*) Начальникъ маговъ.

(12) «Царь, говоритъ творецъ *Шахъ-Намэ*, замѣтивъ издали фартукъ кузнеца Кавэ на остлѣ копыа, при- нялъ его за счастливое предзнаменованіе. Онъ укра- силъ его румяною парчею, разрисованною драгоцѣ- ными камнями по золотому полю. Наслѣдники Фери- дуна прибавляли, по усмотрѣнію, новыя украшенія, и старый фартукъ кузнеца сдѣлался и остался госу- дарственнымъ штандартомъ до паденія Сасанидовъ.» *Livre des Rois, trad. de M. Mohl, t. V стр. 91.*

ный слонъ не могъ бы ее перевести, повлекъ его, съ быстротою скорохода, въ Мидію, на го- ру Демавендъ. Тамъ помѣстилъ онъ его въ уз- кое отверстіе пещеры, дна которой нельзя было видѣть, и прикрѣпилъ его къ скалѣ огромными гвоздями. Зоакъ повисъ, и изъ сердца его за- капала кровь на землю.

Интересно сравнить эту легенду, въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ ходу въ X и XI вѣкѣ и въ какомъ Фирдуси ввелъ ее въ свою эпопею, съ формою, которую имѣла она пять столѣтій прежде, во время Моисея Хоренскаго. Отрывокъ ея, помѣщенный имъ въ концѣ I-й книги своего сочиненія, есть, если не тексту- альное воспроизведеніе, то покрайней мѣрѣ близ- кое къ народнымъ пѣснямъ, которыя, въ эпо- ху жизни его, воспѣвали исторію Рудена (Фе- ридуна) и Бюраспа Астиага (Зоака). «Что ка- сается до рожденія драконовъ, говоритъ онъ, «или Бюраспа-Астиага, превратившагося со- «вершенно въ дракона, вотъ ходячій разсказъ объ этомъ. Бюраспъ сталъ приносить въ жер- тву *девалъ* (духамъ зла) людей безъ числа и продолжалъ это дѣлать до тѣхъ поръ, пока на- конецъ сдѣлавшись предметомъ всеобщей нена- висти, не былъ изгнанъ народомъ. Тогда бѣ- жалъ онъ въ горы страны Мидіи. Въ то время, какъ за нимъ гнались съ ожесточеніемъ, воины его разстались и его покинули. Успо- коенные его одиночествомъ, враги его остано- вились въ тѣхъ мѣстахъ, чтобы отдохнуть не- сколько дней. Бюраспъ, собравъ свое разбѣн- ное войско, внезапно нападалъ на нихъ и при- чинялъ имъ много зла. Но число войска беретъ верхъ и онъ обращается въ бѣгство. Тѣ, кото- рые погнались за нимъ по пятамъ, настигнувъ, убиваютъ его, не подалеку отъ горы, и броса- ютъ тѣло его въ стнрый колодезь». Этотъ от- рывокъ, по видимому, имѣетъ связь съ разска- зомъ о народномъ возстаніи, произведенномъ кузнецомъ Кавэ,—но значительно разнится отъ разсказа Фирдуси. Въ другомъ мѣстѣ, Моисей Хоренскій приводитъ другое преданіе, при- ближающееся къ тому, которое принялъ творецъ *Шахъ-Намэ*. «Персы разсказываютъ, го- воритъ онъ, что нѣкій Руданъ, заковавъ въ желѣзныя цѣпи Бюраспа—Астиага, повлекъ его на гору, именуемую Демавендъ; что во время перехода, Руданъ уснулъ и Бюраспъ увлекъ его на холмъ. Руданъ, пробудившись, повѣлъ его въ пещеру горы, приковать его, а самъ сталъ передъ нимъ въ видѣ статуи. Бюраспъ, побѣжденный, остается такимъ образомъ при кованымъ и не можетъ болѣе громить міръ (14).

Одинъ изъ сыновей царя Тиграна I, Ваанъ, преобразенъ въ легендѣ въ такія черты, кото- рыя заставили уподоблять его Геркулесу Гре- ковъ. Рожденіе его воспѣвалось въ космогони- ческой пѣснѣ, которая такъ и вѣстъ символическіи мифъ стараго Востока. Моисей Хоренскій сохранилъ изъ нея нѣсколько стиховъ, выраже- ніе которыхъ, самой строгой точности и пора- зительной красоты, дасть высокое понятіе совершенству, котораго достигъ армянскій языкъ въ эти отдаленные вѣка, и объ не- куствѣ поэтовъ, умѣвшихъ такъ хорошо вла- дѣть имъ. Рѣшаюсь перевести этотъ древній текстъ.

«Небо и земля были въ мукахъ дѣторожденія «море, съ пурпурными отливами, страдало так «же болями дѣторожденія; изъ нѣдра водъ вы- «рсла красная камышинка,—изнутри камы- «шинки выходилъ дымъ; изънутри камышинки «было ключемъ пламя; изъ пламени высо- «чилъ младенецъ; волосы его огнемъ горять, «борода—пышетъ пламенемъ,—глаза свѣтятъ «двумя солнцами!»

(14) Весьма странно слышать отъ Моисея Хоренскаго, что Бюраспъ—Астиагъ проповѣдывалъ ученіе, тождественное съ новейшимъ коммунизмомъ. Моисей выражается насчетъ этого въ ясныхъ терминахъ, ко- торыя переводю буквально: «Бюраспъ хотѣлъ пока- зать каждому,—говоритъ историкъ,— что онъ жилъ общею жизнью; онъ держалъ того и вѣдѣлъ, что ни- кто не долженъ ничего имѣть въ частную собствен- ность, но что все должно быть общимъ.» Книга I-я, приложение.

(12) Слово *Астиагъ*, на армянскомъ языкѣ, имѣетъ форму *Асаягъ*, которая есть почти древняя зендская форма, и означала дракона или змѣя, по объясненію Моисея Хоренскаго.

Эти стихи пѣлись народомъ еще въ вѣкъ Моисея Хоренскаго, — утверждающаго, что онъ ихъ слышалъ подъ звуки бамбирна. «Прославились также великія дѣянія Ваана, победы его надъ драконами, подвиги его, столь же видные, какъ и подвиги Геркулеса. Рассказывали, что онъ былъ возведенъ въ число боговъ, и что въ странѣ Иберовъ (нынешней Грузіи) воздвигли ему истуканъ, которому приносили жертвы».

Въ эпоху, гораздо позднѣйшую, приводящую насъ ко временамъ Арташеса II, сына Сана-трукова, одиннадцатаго изъ Армянскихъ Арсакидовъ (88—129 по Р. X.), мы видимъ поэтовъ этой Арменіи, усердно воспѣвающихъ дѣянія и каждый шагъ этого царя. Его царствованіе, долгое и благополучное, замѣчательнѣйшіе факты котораго мы уже знаемъ, оправдываетъ эту яркую предрасположенность. Моисей, говоря объ Арташесѣ, приводитъ, между другими авторитетами, *Исторію храмовъ*, написанную Олимпіаномъ или Олимпусомъ, языческимъ жрецомъ Ани⁽¹⁵⁾, и *Диптомиси Персидскія*, — но, въ особенности, народныя пѣсни, обнимающія циклъ событій этого царствованія.

«Дѣянія послѣдняго Арташеса, — говоритъ онъ, обращаюсь къ Исааку Багратиду, — болѣею частью извѣстны тебѣ изъ историческихъ пѣсней, которыя поются въ области Гохтена. Основаніе города Арташата, союзъ этого царя съ Аланами, его потомство, любовь Сатиники къ потомкамъ драконовъ (какъ иносказательно именуется потомки Астиага, занимающіе подошву Масиса), — война противу нихъ, уничтоженіе ихъ власти, истребленіе ихъ и сожженіе жилищъ ихъ, возгорѣвшаяся между сыновьями Арташеса ревность и битвы ихъ другъ съ другомъ въ слѣдствіе подстрѣкательства жень ихъ, — всѣ эти событія рассказаны тебѣ въ пѣсняхъ историческихъ».

Въ числѣ этихъ пѣсней есть одна, — отрывокъ которой сохранилъ Моисеемъ, — рассказывающая простую, трогательную исторію царевны Сатиники, сдѣлавшейся женою Арташеса. «Аланы, соединившись съ Кавказскими горами и частью народовъ Иберіи, въ значительномъ числѣ вторглись въ Арменію. Арташесъ, соединивъ въ свои войска, двинулся противъ нихъ. Въ сраженіи, которое послѣдовало на границѣ обонхъ народовъ, Аланы отступили и, перешедши Куръ, остановились лагеремъ на сѣверномъ берегу, а Армяне стали на берегу противоположномъ; ихъ раздѣляла рѣка. Сынъ Аланскаго царя былъ ваятъ въ плѣнъ и приведенъ къ Арташесу. Отецъ его предлагалъ миръ на условіяхъ, какія угодно будетъ предписать Арташесу, подъ клятвою, что Аланы не будутъ болѣе тревожить вторженіями земли Армянской; но Арташесъ не соглашался возвратити юнаго царевича. Тогда сестра сего послѣдняго, прибѣжавъ на берегъ рѣки и взойдя на возвышенный холмъ, передала въ неприятельскій лагерь, чрезъ переводчиковъ, слѣдующія слова: «Послушай, доблестный Арташесъ, побѣдитель храбрыхъ Алановъ! согласишься отдать мнѣ молодого человека, мнѣ — двуншкѣ съ прекрасными глазами. Не достойно герою, ради удовлетворенія желанія мнѣнія, лишиться жизни сыновей героев, или держать ихъ въ неволѣ, подобно рабамъ; и поддерживать безконечную вражду между двумя воинственными народами! Арташесъ, услышавъ эти мудрыя слова, приблизился къ рѣкѣ, узрѣвъ прекрасную Сатиникъ, внял ея предложеніямъ, полнымъ разума, и воспылалъ къ ней любовью. За тѣмъ, призвавъ стараго воина, Сембата, своего воспитателя, открылъ ему желаніе своего сердца — взять за себя юную царевну, заключити дружественный договоръ съ ея народомъ и отослать съ миромъ брата ея.

Сембатъ одобрилъ эти преднамѣренія и отправилъ посланцевъ къ царю Алановъ просить руки Сатиники. «Какъ! отвѣчалъ отецъ ея, — развѣ въ доблестный царь Арташесъ имѣеть столь-ко богатства, чтобы предложить мнѣ въ замѣнъ благородной дѣвы Алановъ!»

Бракъ однако же устроился. Но вотъ, какъ поэтъ передаетъ обстоятельства предшествующаго разсказа:

«Доблестный царь Арташесъ, на прекрасномъ ворономъ конѣ, взявъ убранный золотыми кольцами арканъ изъ красной кожи⁽¹⁶⁾, съ быстротою орла въ полетѣ — промчался чрезъ рѣку, забросилъ убранный золотыми кольцами арканъ свой изъ красной кожи, обвиняя имъ станъ дѣвы Алановъ и, схвативъ ее, быстро увлекъ въ свой лагерь».

Этотъ царственный союзъ внушилъ также слѣдующіе два стиха, которые пѣлись въ видѣ эпиграммъ и въ которыхъ есть намекъ на обыкновеніе царей Армянскихъ бросать во время бракосочетанія, у дверей дворца своего деньги, подобно римскимъ консуламъ, а царичи — разсыпать жемчугъ въ брачномъ ихъ покое.

«Золотой дождь падалъ въ день бракосочетанія Арташеса; жемчужный дождь — въ день сватѣбы Сатиники.⁽¹⁷⁾»

Другому армянскому писателю, котораго мы уже имѣли случай цитировать, князю Григорію Магистросу, обязаны мы сохраненіемъ поэтическаго отрывка, сохранившагося до него въ преданіи народномъ и вписаннаго имъ въ одно изъ своихъ писемъ. Естественность мысли и изящности, съ которою она передана, даютъ намъ право думать, что этотъ отрывокъ есть одинъ изъ остатковъ пѣсни страны Гохтена. Поэтъ влагаеть въ уста умирающему Арташесу эти грустные сожалѣнія о жизни, отлетающей отъ него.

«О, кто мнѣ возвратитъ дымъ очага моего и радостное утро Навасарда⁽¹⁸⁾, и порывъ оленя, и быстроту лапей! Мы трубили въ трубы; по обычаю царей, мы гремѣли въ барабаны».

Одна изъ легендъ, проникнувшихъ глубочайшимъ образомъ въ слои народныя, есть легенда, предметомъ которой былъ Артаваздъ, старшій сынъ и наследникъ Арташеса, царевичъ съ характеромъ необузданнымъ, съ честолюбіемъ безпредѣльнымъ, который, по словамъ Моисея Хоренскаго, страдалъ безуміемъ со дня рожденія до смерти. Носилъ слухъ, будто при роженіи его, жены потомковъ Астиага подбросили ему чары, и — пѣсни историческія, передавая это иносказательно народное повѣрье, провозглашали, что потомки драконовъ украли сына царскаго и подбросили его *деволу*. Не много времени спустя, по востшествіи на престолъ, Артаваздъ, отправившись на охоту за кабанями и дикими ослами къ источникамъ Гина и перѣхавъ мостъ города Арташата, вследствие какого-то затемнѣнія его большого мозга, — заблудился и, носясь на конѣ то въ ту, то въ другую сторону, упалъ въ глубокой ровъ

⁽¹⁶⁾ Аланы, заѣвъ часть армянскій песторикъ, любили особенно красную кожу, и, какъ Арташесъ далъ большое количество этихъ кожъ въ приданое Сатиникѣ, — то обстоятельство это и породило аллегорію объ арканѣ изъ красной кожи, убраннымъ золотыми кольцами, и о которомъ идетъ рѣчь.

⁽¹⁷⁾ Въ некоторыхъ частяхъ Арменіи существуетъ еще и теперь обычай — осыпать деньгами повобрачную въ минуту прихода ея изъ церкви въ домъ супруга. Этотъ обычай существуетъ также въ Константинополѣ и былъ соблюденъ, въ 1845 г., при бракосочетаніи извѣстнаго Дуз-оглу, одного изъ богатѣйшихъ армянъ этого города и директора Императорскаго Оттоманскаго монетнаго Двора.

⁽¹⁸⁾ Въ древнемъ армянскомъ календарѣ, 1-й мѣсяцъ года, *Навасаръ*, совпадалъ съ весеннимъ равноденствіемъ. Первый день этого мѣсяца праздновался, подобно *Перузлу* у Персовъ, публичными гульбищами и увеселеніями.

и погибъ въ немъ. Роковая участь молодого царевича представлена, какъ слѣдствіе родительскаго проклятія. Пѣсни области Гохтена рассказывали, что, при смерти Арташеса, многіе добровольно приносили себя въ жертву на могилѣ его, согласно обычаю языческому, и что Артаваздъ, свидѣтель этого зрѣлища, обратился съ досадою къ тѣни своего отца съ слѣдующими словами:

«Такъ какъ ты, удалившись, унесъ съ собою все царство» (то научи меня), какъ же царствовать мнѣ на развалинахъ?»

Арташесъ, раздраженный, проклинаетъ своего сына.

«Когда ты направилъ коня своего къ гордо-му (на арм. *азатъ*) Масису для охоты, храбрые возмутъ тебя и взыснутъ на гордый Масисъ; ты тамъ останешься и не увидишь бо-лѣе свѣта⁽¹⁹⁾!»

Рядомъ съ легендою, приведемъ сказку простонародную. «По словамъ старухъ, Артаваздъ, обремененный цѣпями, заключенъ въ пещеръ. Дѣя собаки грызутъ непрестанно его цѣпи, и заключенникъ усиливается безпрестанно разорвать ихъ и устремиться на опустошеніе міра; но цѣпи закрѣпляются стукомъ молота кузнецовъ, раздающимся на наковальнѣ. Отсюда происходитъ, что въ наше время, замѣчаютъ Моисей, — многіе кузницы, въя этому преданію, ударяютъ по наковальнѣ три или четыре раза каждый первый день недѣли, — дабы цѣпи, удерживающія Артавазда, были, говорятъ они, закрѣплены».

Легенда о сынѣ Арташеса перешла въ Грузію, гдѣ сохраняется до нынѣ, — но тамъ она пропиталась духомъ христіанства. Женщина, застигнутая въ пути страданіями родовъ, разрѣшилась сыномъ, имя которому дано было Амيرانъ. Она пламенно желала окрестить его, но не было никого, кто бы могъ выполнить ея набожное желаніе. Она находилась въ страшной тревогѣ, — тогда является къ ней старецъ. Онъ окрещиваетъ младенца и общается, по желанію матери, непрестанно ему у Бога необъятную тѣлесную силу. Молитва святаго была услышана, и когда Амيرانъ достигъ юношескаго возраста, то одаренный свышечеловѣческой силою, онъ совершилъ чрезвычайные подвиги. Напыщенный своими усилками, онъ простеръ тщеславіе свое столь далеко, что осмѣлился даже грозить небу. Богъ, разгнѣванный за это, привязалъ его желѣзными цѣпями къ одной изъ скалъ (жерлъ) Кавказа. Мечъ Амирана, унавъ подлѣ него, лежитъ на землѣ. Съ нимъ остался только его вѣрный пѣсь, который лжеть постоянно его цѣпи, стараясь этимъ утончить ихъ и освободить его. Гигантъ, съ сердцемъ очерствѣлымъ, ждетъ нетерпѣливо минуты, когда освобожденный отъ оковъ, онъ будетъ въ состояніи утолить свое мщеніе. Но око Божіе ни на минуту не смыкается! Каждый годъ, въ день великаго четверга, выходитъ изъ нѣдръ земли кузнецъ, закрѣпляетъ цѣпи невольника и приковываетъ ихъ къ скалѣ еще крѣпче прежняго.

Разобравши все, что только поощрено временемъ изъ народныхъ пѣсней и легендъ Арменіи, любознательно было бы знать, въ какихъ случаяхъ, въ какіе праздники — религиозные или народные — пѣлись онъ. Моисей Хоренскій и слѣдующіе за нимъ писатели молчатъ объ этомъ. Единственное указаніе, которое находимъ мы у Моисея Хоренскаго, заключается въ томъ, что пѣсни эти пѣлись сынами Арама (Армянами) при торжественныхъ случаяхъ и сопровождалась хороводами. Часто, повторяетъ онъ,

⁽¹⁹⁾ Чтобы понять это выраженіе, необходимо вспомнить сказанное мною въ началѣ настоящей статьи о тежотѣ, покрывающей Масисъ, или Ара-ратъ, и прозваніе *міръ мрака*, которое придаютъ еще до сихъ поръ жители Эривани этой горѣ. Предполагаютъ, что *храбрые* означаютъ здѣсь сверхъестественныя существа, обитавшія на вершинѣ, или же Мидіанъ, поселенныхъ у подошвы.

⁽¹⁵⁾ Крѣпость на Евфратѣ, служившая, по словамъ Историка IV вѣка Агаангела (стр. 386 изд. Венск. 1853), гробницею царей армянскихъ.



голосъ пѣвцовъ раздавался подъ звуки лютичи или бамбирна. Можно также догадываться, изъ нѣкоторыхъ словъ Мар-Иба-Катини, что пѣсни эти обращались въ домашней, повсѣдневной жизни народа.

Въ наше время, поэтической геній древней Арменіи не угасъ и живетъ въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ звуки его некогда пробуждали эхо. За недостаткомъ патріотическихъ воспоминаній угаснувшей, назадъ тому столько вѣковъ, народности, онъ стужель открыть для себя новые источники вдохновенія. Ученый Армянинъ, объѣхавшій назадъ тому нѣсколько лѣтъ страны, откуда онъ родомъ, Н. Эминъ, профессоръ Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ въ Москвѣ, писалъ мнѣ недавно: «Одинъ изъ старшихъ воспитанниковъ нашего Института, поселившійся въ Тифлисъ, занимается собираніемъ народныхъ армянскихъ пѣсней; онъ намъ ренъ издать ихъ въ непродолжительномъ времени. Богатство этихъ пѣсней, на которыя никто до сихъ поръ не обратилъ должнаго вниманія, ихъ разнообразіе, проглядывающая въ нихъ игривость восточнаго воображенія, мѣстный колоритъ, глубокіе слѣды созерцанія вселенной съ точки зрѣнія христіанства и въ тоже время восточнаго фатализма, манера Горациевская въ пѣсняхъ эротическихъ, глубокой, тонкой юморъ, поразительное разнообразіе тонического ударенія: вотъ достоинства, которыя замѣтитъ въ нихъ разумный наблюдатель!»

Не у однихъ Армянъ,—у горцевъ Кавказскихъ и у этой смѣси народовъ, которые сборнымъ пунктомъ своимъ назначили эти страны, процвѣтаетъ въ наше время любовь къ народной поэзій и пѣснь,—ея неперемѣнному спутнику. Лезгини, Имеретини, Грузины, Татары, Курды, Турки и Персы,—все они имѣютъ пѣсни, простыя, но величественныя оригинальности. Пѣсни Персіянъ болѣею частью кажутся безъ ритма: рѣзкій, неожиданный переходъ отъ одного размера къ другому, дрожанія переливы голоса пѣвца,—сообщаютъ имъ эффектъ странной и дѣлаютъ ихъ почти неуловимыми для нашего европейскаго уха. Нѣкоторыя изъ нихъ, впрочемъ, своею тихою и грустною гармоніею, трогательны и пріятны. Сказанное о музыкѣ персидской можетъ быть приложено также и къ музыкѣ Грузинъ и Турковъ. Курдскія пѣсни, напротивъ, отличаются довольно правильными переливами и, въ то же время, имѣютъ въ выраженіи своемъ нечто столь важное, столь заушывное, что даже непонятно, какъ подобныя чувства могли родиться у племени, представляющаго намъ съ привычками своеволия и грабежа. Пѣсни горцевъ Кавказскихъ, особенно пѣсни Лезгинъ, похожи на Курдскія. Между пѣснями лезгинскими есть такія, которыя, по свидѣтельству автора недавняго путешествія по странамъ Кавказскимъ, Дюбуа де Монпере (20), услышавъ разъ нельзя никогда забыть.

Въ заключеніе остается намъ пожелать, чтобы общаго собранія, которое обещано намъ Эминомъ и которое уже печатается въ Москвѣ, дало намъ скорѣе случай узнать и оценить произведенія народной музы новыя Арменіи.

(Изъ Revue des Deux Mondes, 1852 г. 15 Avril.)

Перев. А. Муликоскій.

(20) Voyage autour du Caucase, t. III, p. 444.

Прим. Считаю не лишнимъ довести до свѣдѣній гг. читателей, что статью эту Эд. Дюлорье написалъ по случаю выхода въ свѣтъ диссертациі профессора армянской словесности въ Московскомъ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ, Н. Эмина, подъ

заглавіемъ: *Вѣкъ Хлудъ Хайастани* (пѣсенныя сказанія древней Арменіи), Москва, 1850 года.

Въ непродолжительномъ времени мы помѣстимъ извлеченіе изъ книги, о которой во концѣ упоминаетъ г. Эминъ и которая напечатана подъ заглавіемъ: *Армянскія ашухи* (народныя пѣвцы,) Ю. Ахвердова, Москва 1852 г.

Прим. Ред.

Поправка. Въ № 3, на оборотѣ 20 стр. въ 5-мъ столбцѣ, въ 7-й строкъ снизу, вмѣсто слова *исключительно*, читай *преимущественно*.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

При тифлисской таможнѣ 12-го числа будущаго февраля мѣсяца съ 10-ти часовъ утра и въ слѣдующіе за тѣмъ дни, кромѣ праздничныхъ и табельныхъ, будутъ продаваться съ аукціоннаго торга контрабандные товары, задержанные въ селеніи Сурамѣ, а именно: шелковыя издѣлія: непрозрачной матеріи съ цвѣтными узорами 38½ арш., газу бѣлаго 37½ арш., платковъ разныхъ 28 шт., бумажныя издѣлія: тюлю 14 аршинъ, бѣлой гладкой подноцвѣтной матеріи 27 арш., ситцу 2451 арш., льняныхъ салфетокъ 2 штук. и 1 платокъ смѣшанный съ шерстью.

При той же Таможнѣ 13 числа будущаго Февраля мѣсяца съ 10-ти часовъ утра и въ слѣдующіе за тѣмъ дни кромѣ праздничныхъ и табельныхъ будутъ продаваться съ аукціоннаго торга контрабандные товары, присланные изъ нахичеванскаго карантинно-таможеннаго правленія, а именно: ситцу 65 шт., манчестеру бѣлаго 12 шт., миткалю бѣлаго 15 арш., матеріи съ цвѣтными букетами 2 шт., платковъ разныхъ 322 шт., бязи американской 155 шт., платковъ прозрачныхъ затканыхъ цветочками 320 шт., матеріи разной прозрачной 75 шт. кофе 280 фунтовъ, опіуму 15 ф., кардамону 55 ф. и квасцовъ 5½ пуда.

При той же Таможнѣ 14-го числа будущаго Февраля мѣсяца съ 10-ти часовъ утра и въ слѣдующіе за тѣмъ дни кромѣ праздничныхъ и табельныхъ, будутъ продаваться съ аукціоннаго торга контрабандные товары, присланные шарурскою карантинно-таможенною заставою, а именно: бумажныхъ разно-цвѣтныхъ набивныхъ тканей 277 шт. и въ кускахъ 288½ аршинъ, каленкору бѣлаго 25 штуки, канифасу 55 шт., тюлю бѣлаго 7 шт., кисей разной 552 шт., платковъ кисейныхъ цвѣтныхъ 5307 шт., платковъ бумажныхъ 1154 шт. красной матеріи называемой шили 98 шт., бязи американской 1038 арш. и сукна 9 аршинъ.

При той же Таможнѣ 16-го числа будущаго Февраля мѣсяца съ 10-ти часовъ утра, будутъ продаваться съ аукціоннаго торга контрабандные товары, присланные орговекою карантинно-таможенною заставою а именно: бязи американской 2625 арш., ситцу 283 шт., и въ кускахъ 7515 арш. камлоту шерстяного набивнаго въ 8 отрезкахъ 117 арш. и шелковой азіатской матеріи (хары) въ 7 кускахъ 102½ аршина.

При Тифлисской Таможнѣ 10-го числа будущаго февраля мѣсяца съ 10-ти часовъ утра и въ слѣдующіе за тѣмъ дни, кромѣ праздничныхъ и табельныхъ, будутъ продаваться съ аукціоннаго торга контрабандные товары, задержанные въ городѣ Тифлисъ, а именно: шелковыя издѣлія: разныхъ платковъ 201 шт., матеріи съ узорами, гладкой и клѣтчатой 297¼ арш., и смѣшанной съ бумагою 11¼ арш., ленты 18 арш., перчатокъ 47 паръ; шерстяныхъ издѣлій: платковъ набивныхъ 55 шт., бумажныхъ издѣлій: разныхъ набивныхъ платковъ 589 шт., полотенецъ бѣлыхъ 8 шт., тюлю гладкаго съ узорами 46 кусковъ, кружева 109 свертокъ, тоже широкия 65 арш., перкаль бѣлый гладкій 55 шт., коленкору 7 шт., затканной съ бѣлыми узорами матеріи 11 шт., ситцу 32 шт., бязи американской крашеной и скрашеной 515 арш. и 1 кусокъ; льняныхъ издѣлій: полотна 54 куска, нитокъ 146 мотковъ, волосныхъ юпокъ 10 шт., лисьаго мѣха 5 куска, галантерейныя вещи, какъ то: трубокъ зрительныхъ, 195 шт., сигарочниковъ 12, бумажниковъ 24 штуки, 1 серебряная суповая ложка и 7 деревянныхъ сундуковъ.

— При той же таможнѣ 11-го числа будущаго февраля мѣсяца съ 10 часовъ утра и въ слѣдующіе за тѣмъ дни, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ, будутъ продаваться съ аукціоннаго торгу контрабандные товары, присланные Редуткальскимъ Правленіемъ, а именно: бумажныхъ издѣлій: ситцу 15,322¼ арш., тюлю 124½ арш., кисей 78 арш., бязи америк. 7,576 арш., миткалю бѣлаго 1,785 арш., матеріи красной 110¼ арш., и платковъ набивныхъ 229 шт., шерстянаго издѣлія: камлоту гладкаго 152 арш. и съ узорами 109¼ арш.

ПРИЪХАЛИ: Января 28-го: изъ уроч. Бѣлыхъ-Ключей Генераль-Маіоръ Князь Орбеліанъ, изъ Зака-тала Капитанъ Князь Орбеліанъ, изъ уроч. Царскихъ-Колодцевъ Штабъ-Капитанъ Князь Арушанскій. 29-го: изъ С. Петербурга Штабъ-Капитанъ Михайловъ, изъ уроч. Бѣлыхъ-Ключей Штабъ-Капитанъ Грищенко, изъ Елисаветополя Штабъ-Капитанъ Савковскій. 30-го: изъ Кахетіи Полковникъ Князь Меликовъ, и Губернскій Секретарь Бадридзе, изъ Ахалкалакъ Коллежскій Секретарь Переваленко.

ВЪЪХАЛИ: Января 28-го: во Владикавказъ Генераль-Маіоръ Баронъ Вревскій, въ крѣп. Грозную Полковникъ Кесаланъ. 29-го: на рѣч. Храмъ Капитанъ Князь Мухранскій. 30-го: въ Одессу Генераль-Маіоръ Князь Воропцовъ, и Коллежскій Совѣтникъ Соколовъ.

ТИФЛИССКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ Воскресенье 1-го Февраля:

1. Всемирная выставка. 2. Фанни Эльслеръ.
3. Школьный учитель.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ.

Мѣсяцъ и числа по стар. стило.	Часы.	Термометръ Р°.			Сирость воздуха	Барометръ при 15½ Р°. Русск. полулин.	Направленія вѣтра.	Состояніе неба.	Темпер. Реом.	
		Сухой.	Смоч.	Нам.					Наиб.	
27-го Января	7 утра.	- 2,5	- 2,8	0,92	574,22	В. слаб.	Об. разс.	- 2,8	+ 0,5	
	1 попол.	+ 0,1	- 1,1	0,76	575,99	ЮВ. сл.	Об. на гориз.			
	9 вечер.	- 0,6	- 1,3	0,80	574,72	В. оч. сл.	Облачно.			
28-го Января	7 утра.	- 1,6	- 2,0	0,90	574,71	В. слаб.	Облачно.	- 2,0	+ 1,2	
	1 попол.	+ 0,1	- 1,4	0,70	575,86	ЮВ. слаб.	Облачно.			
	9 вечер.	- 1,0	- 1,3	0,89	572,82	ЮВ. слаб.	Облачно.			
29-го Января	7 утра.	- 1,6	- 2,3	0,79	571,55	ЮВ. оч. сл.	Облачно.	- 2,0	+ 1,3	
	1 попол.	+ 1,4	- 0,4	0,66	569,98	Ю. оч. сл.	Об. мѣсти.			
	9 вечер.	- 1,3	- 2,3	0,84	569,95	В. оч. сл.	Об. на гориз.			

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.